

„ТРИ СЕСТРЫ“.

Чехова.

Новая драма А. П. Чехова окончена. Авторъ вручилъ рукопись Художественно-общедоступному театру. Сотрудники „Нов. Дн.“ имѣли возможность познакомиться съ „Тремя сестрами“ и получили разрѣшеніе познакомиться съ ними своихъ читателей.

Самая пьеса такого характера, что обстоятельный, съ деталями, пересказъ ея—дѣло невозможное. Вся сила и интересъ „Трехъ сестеръ“—не въ ихъ фабулѣ, которая, какъ всегда у Чехова-драматурга, незначительна, безъ сложныхъ вѣншихъ чертѣй.

Съ перваго же явленія мы знакомимся со всѣми тремя сестрами: Ольгой, учительницей гимназій, Машей, женой учителя гимназій, и Приной, молодой, 20-лѣтней дѣвушкой. Онѣ—дочери генерала, годъ назадъ умершаго; прекрасно воспитаны, образованы, съ благородными натурами, которыхъ тянетъ къ жизни свѣтлой, разумной, содержательной. Хочется истиннаго и искренняго счастья и вѣрится, что оно—не сказка миновавшихъ лѣтъ, но возможно и теперь. За окнами—весна, и отблески ея—въ сердцахъ трехъ сестеръ, особенно Прины. Но онѣ уже десять лѣтъ живутъ въ глухомъ провинціальномъ городѣ и главная ихъ мечта—поскорѣ вырваться отсюда на свѣжій воздухъ большого города. Москва, гдѣ онѣ родились, гдѣ университетъ, куда готовится профессоромъ ихъ старшій братъ Андрей,—вотъ главная ихъ мечта. Мечта о Москвѣ красной нитью тянется черезъ всю пьесу. Къ ней возвращаются въ моменты наибольшей сумеречной сумятицы въ Про-

зоровскомъ домѣ. Но мечта не сбывается. Она будетъ съ каждымъ днемъ казаться все неосуществимѣе, и послѣдняя красота жизни трехъ сестеръ, грезы и порывы, будутъ все вянуть и блекнуть подъ напоромъ мелочей жизни, глупаго сдѣленія случайныхъ фактовъ и общаго мрака унынія. Сейчас, подвѣяніемъ проснувшейся весны, отъ хмеля вѣности. Хотя младшей изъ сестеръ. Приня, кажется, что загадка истинной жизни разгадана. Разгадка—въ трудѣ. „Человѣкъ долженъ трудиться, работать въ потъ лица, кто бы онъ ни былъ, и въ этомъ одномъ заключается смыслъ и цѣль его жизни, его счастье, его восторгъ!“... Не одна Прина думаетъ такъ... Въ этомъ—послѣднее убѣжище многихъ отъ безнадѣжности. Неудачное убѣжище... Во второмъ актѣ Прина до усталости работаетъ на телеграфѣ, въ третьемъ—въ земской управѣ,—но не даетъ этотъ трудъ „счастья, восторговъ“. Все туже затягивается петля жизни. Тулая боль въ головахъ, отчаяніе въ сердцахъ. Образъ Прины—наиболѣе печальный въ драмѣ, потому что на нее особенно тяжелыми ударами падаютъ сумерки.

Онѣ идутъ своимъ печальнымъ чередомъ, принося маленькія вѣншія перемѣны въ жизни героевъ пьесы и лишь сгущая общій свой колоритъ. Недаромъ одинъ изъ персонажей „Трехъ сестеръ“ любитъ мечтать о томъ, что будетъ черезъ двѣсти, триста, тысячу лѣтъ, какъ тогда устроится жизнь, какъ хорошо устроится... Какъ должно быть безнадежна и безысходна дѣйствительность, когда утѣшаться надо розовыми перспективами на разстояніи тысячелѣтій.

Вокругъ сестеръ нѣсколько весьма характерныхъ фигуръ, подернутыхъ все той же дымою унынія.

то разрывающегося до грусти, то сгущающегося въ тунную тоску. Подполковникъ Вершининъ, которому принадлежать мечты о золотомъ вѣкѣ черезъ столѣтія, у котораго жена неоднократно травится, чтобы досадить мужу, и которому суждено пробудить какую-то нескладную, надрывную любовь въ сестрѣ Машѣ, женѣ ограниченнаго, глупо самодовольнаго учителя Кулигина; поручикъ баронъ Тузенбахъ, который силится быть оптимистомъ, но отъ его оптимизма вѣетъ жутью, и который влюбленъ въ Ирину, молить о счастья сдѣлаться его женою; штабсъ-капитанъ Соленый, тоже страдающій въ любви къ презирающей его Ирине, застѣнчивый, нескладный; военный врачъ Чебутыкинъ, забывшій и азбуку медицины, запойный пьяница. Все—тѣ русскіе люди, которыми, говоря словами одного изъ персонажей этой-же пьесы, „въ высшей степени свойственъ возвышенный образъ мыслей, а въ жизни они хватаютъ такъ невысоко“.

Братъ трехъ сестеръ женится на ограниченной провинціальной барышнѣ, terre-à-terre, легкомысленной, невѣрной женѣ, но смѣтливой, умѣющей понемногу прибрать домъ къ рукамъ. И туча унынія еще болѣе нависаетъ надъ нимъ. Мужъ все болѣе затягивается тинной будней. Въсто московской профессуры—тоска по несбывшейся мечтѣ, по неудавшейся славѣ, да усиленный картежъ, да плачущая скрипка въ минуты, когда особенно остро почувствуется дѣйствительность. Ольга все болѣе надрывается въ гимназін, Маша, наиболѣе грубая, но и наиболѣе цѣльная изъ сестеръ, все ниже сгибается, все болѣе захлебывается въ слезахъ и желчи отъ двойного гнета—целюбви къ мужу и любви къ полковни-

ку. Прива все сильнѣе блекнетъ въ своихъ лучшихъ порываніяхъ, мечется въ тоскѣ, и ото всѣхъ все дальше уходитъ мечта—Москва. Вершининъ все тоскливѣе мечтаетъ о томъ, что будетъ черезъ тысячу лѣтъ. Тузенбахъ все безпомощнѣе спорить съ нимъ и бодрить себя виномъ. Соленый все сумрачнѣе влюбленъ въ Ирину. Изъ всего этого получается все болѣе угнетающая, нелѣпая нескладница будничныхъ столкновений изъ-за комнаты, денегъ, прислуги.

Содержаніе пьесы передать нельзя—все обрывки, какъ изъ обрывковъ вся наша жизнь. Цѣль—лишь общее настроеніе, которое связываетъ эти доскуты въ цѣль жизни... Безсмысленность жизни—вотъ главная тема. И не можетъ быть въ ней смысла,—вотъ печальное резюме.

— А смыслъ?—спрашиваетъ Маша.

— Смыслъ? Вотъ снѣгъ идетъ. Какой смыслъ?

Развѣ что—„Въ Москву, въ Москву, въ Москву!“—какъ кончается Ирина 2-й актъ пьесы. Но жизнь уходитъ, и „никогда мы не опѣдемъ въ Москву!“—какъ говоритъ та же Ирина въ другомъ мѣстѣ, и ея символъ вѣри о трудѣ уже смѣнился другимъ: „я ненавижу, я презираю трудъ“...

Развязка такая же нескладная и невѣдъ, но глубоко правдивая, съ нелѣпнымъ выстрѣломъ Соленого въ барона, не разрывающимъ, но еще сгущающимъ атмосферу тоски, не разсѣвающимъ, но усугубляющимъ кошмаръ жизни.